

Геннадий ФОКИН

**Мои
причалы**

Геннадий ФОКИН

Ф45

Лит. фонд - П.Л.

Моя программа
Литература - это искусство

Геннадий Фокин

Мои причалы

110321

Мои причалы

СТИХИ

Библиотека-музей
г. Находка

1143

Книга получена в дар
от П.И. Шенчурова

Литературный клуб "Элегия"

Находка, 2003

130с.

ОК ЦБС
г. Находка

ББК 84.5

Г.П. Фокин

Мои причалы, сборник стихов
г.Находка, 2003 г., 130 стр.

Оформление:

Станислав Кабелев

Верстка:

Денис Кабелев

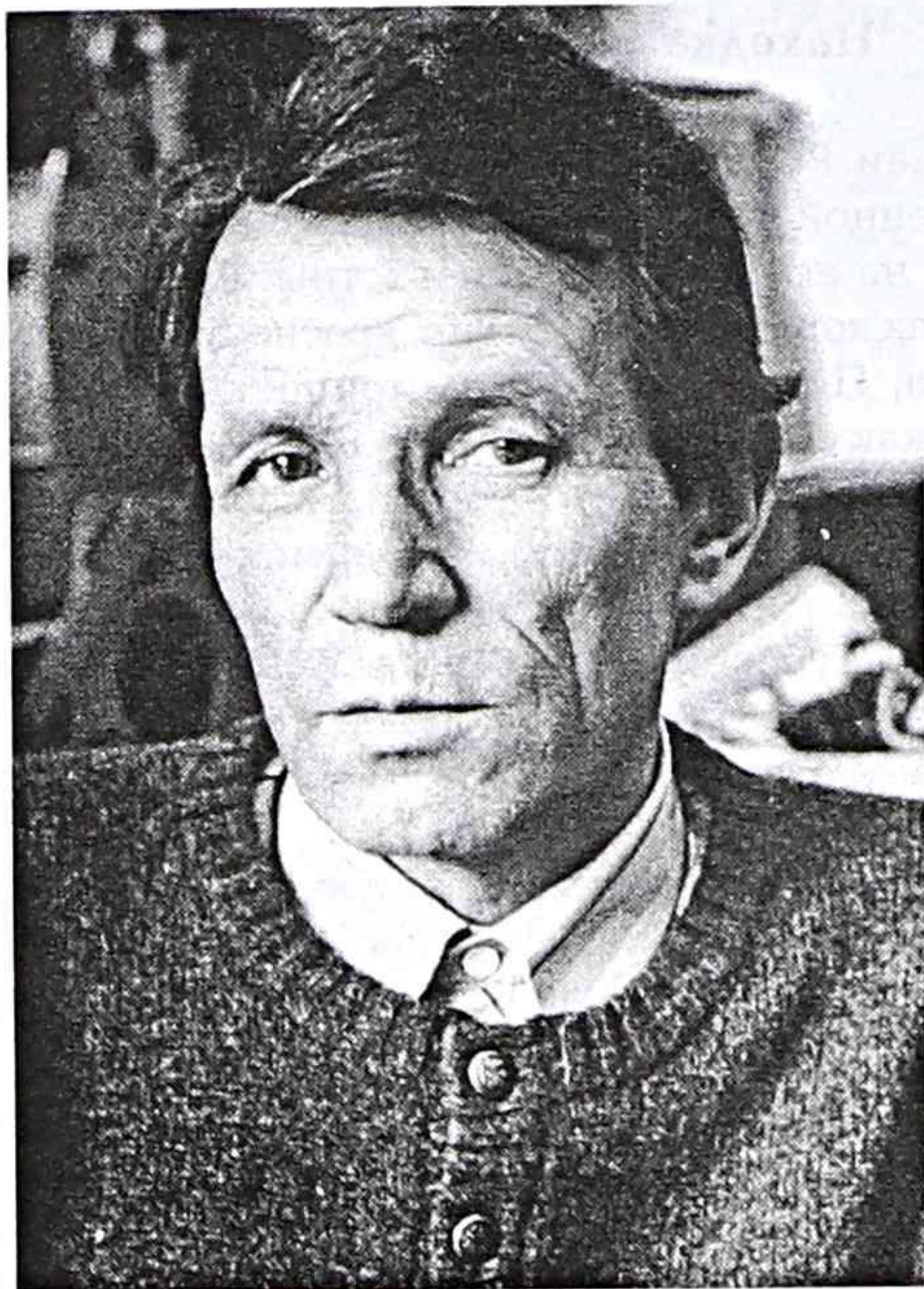
Геннадий Петрович ФОКИН – профессиональный журналист. Много лет работал в "Находкинском рабочем", редактировал многотиражную газету "На стройке", на ее базе в начале 90-х годов создал еженедельник "Находка". Затем снова вернулся в "Находкинский рабочий". Автор многих публикаций по истории Находки, строительства Восточного порта в бухте Врангеля. Печатался в краевой и центральной прессе.

В настоящее время – член Союза писателей России, автор поэтических сборников "Признание в любви", "Гавань Надежды", книги исторической прозы "Залив Америка".

В Находке живет с 1959 года.

© Г.П. Фокин

Посвящаю внучке
Сандре Фокиной

Геннадий Фокин

Находка – в его стихах и песнях

Николай Рубцов – народный поэт России, гордость отечественной поэзии. Об этом никто не спорит. Песни и романсы на его стихи общеизвестны. Его лирика близка сердцу русского человека, она прекрасно дополняет Есенина, Кольцова, Никитина. Такие лирические произведения Рубцова, как «Видения на холме», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «В горнице моей светло», «Звезда полей», «Русский огонек», «Тихая моя родина», «Плыть, плыть...», «В минуты музыки», уже стали поэтической классикой русской литературы. Появились серьезные исследователи творчества Рубцова. Но мало кто знает, что первое напутственное слово о нем сказал наш приморский поэт из Находки Геннадий Фокин.

Их дружба начиналась еще со службы на Северном флоте. Одно из стихотворений Николая Рубцова, написанное в форме письма к другу, печатается во всех сборниках с посвящением – Г. Ф.. За этими инициалами – Геннадий Фокин, проходивший срочную службу, как он говорит, вместе с Колей на одном эскадренном миноносце.

После службы Николай Рубцов остался в Ленинграде, где работал на Кировском заводе, а Геннадий Фокин уехал на самый Дальний Восток в строящийся город Находку, стал профессиональным журналистом, работал в «Находкинском рабочем», редактором газеты «На стройке», «Еженедельная Находка». Все преобразования Находки и ее окрестностей

отражены в статьях, репортажах, очерках и, конечно же, в стихах Геннадия Фокина. Правильно сказал арсеньевский поэт Николай Морозов: «Без стихов Геннадия Фокина, я считаю, вся поэзия Приморья, как книга, в которой нет одной страницы».

Наверное те, кто знает Геннадия Фокина, могут сказать о нем как о человеке отзывчивом, добром, гостеприимном, готовом прийти на помощь. В разные годы в Находке перебивали, кажется, все приморские стихотворцы: Илья Фаликов, Геннадий Лысенко, Игорь Кравченко, Юрий Кашук, Вячеслав Пушкин, Станислав Гусев, Виталий Коржиков, да и те, кто приезжал из западных мест страны: Виктор Астафьев, Нина Королева, Владимир Матвеев, Юрий Кукин и многие другие. И каждого находкинский поэт привечал, устраивал в гостинице, организовывал встречи в библиотеках, в цехах судоремонтных заводов или в рабочем общежитии, печатал их стихи в городской газете. И все это бескорыстно, от душевной открытости, от широты характера.

Так уж случается, чем больше литератор проявляет заботы о собратях по перу, тем меньше достается внимания самому. Геннадия Фокина не раз обходили при составлении приморских коллективных сборников, альманахов, ежегодников. Даже в антологию «Сто лет поэзии Приморья» он не был включен ни одним своим стихотворением. Между тем стихи этого поэта при всей их традиционности заслуживают внимания и опытом поиска формы, и точностью слова, и естественностью интонации, и незаемной образностью. Стихи Фокина известны находкинцам, некоторые стали песнями, многие, как заметила Валентина Панченкова («Океан», №3, 1998 г.), «давно уже стали поэтическим образом города Находки».

...Мы мало знаем истинных патриотов родной земли, ее певцов и уж совсем редко воздаем им должное. Почему бы, например, администрации города Находки не издать в конце концов хорошую книжку лирики своего поэта, не добиться через краевое управление культуры присвоения Геннадию Петровичу Фокину, летописцу славного приморского города-порта, звания заслуженного работника культуры. Ведь его стихи и песни волнуют сердца нескольких поколений находкинцев, и жизнь этим стихам и песням предстоит еще долгая...

Борис ЛАПУЗИН

Женщина,
которая с
тобой...

Чай вдвоем

Мы молчим светло и грустно,
пьем на кухне теплый чай.
А в квартире нашей пусто,
словно мы тут невзначай.
Барабанит по карнизам
дождь осенний, обложной,
и бормочет телевизор
за бетонною стеной.
Стены в выцветших обоях,
книг тугие стеллажи,
сколько лет у нас с тобою
только сны, да миражи...

Сколько лет у нас с тобою
только сны да миражи —
за бетонною стеною
чья-то музыка кружит.

Чья-то музыка играет —
не твоя и не моя...

С нами часто так бывает:
вдруг желанье возникает
склеить рваные края.

В нашей жизни есть порядок,
есть единственный причал...

Потому-то нам и сладок

Наш вечерний, теплый чай...

Самовар включить бы надо —
я люблю горячий чай!

Акростихи

• • •

Светла земля, пока встают рассветы —
Входи и будь как дома на земле.
Ее воспели прежние поэты,
Теперь и я на это осмелел.
Люблю...
А по-старинному — жалею,
Не умирают старые слова,
А умирают старые аллеи,
Февраль метелью вяжет кружева.
О чем жалеть, когда земля прекрасна,
Как женщина, которая с тобой...
И веришь ей, не думая...
Напрасно!
А вдруг она окажется судьбой?

День за днем. Все как всегда.
И вот опять — начало осени...
Но, ни деревья, ни года
Еще ни листика не сбросили.
У каждой осени свой шарм,
Своя печаль, своя отметина...
А где живет ее душа?
Там, в душе у Дины, мне ответили...
Однако, повод есть печалиться —
Й-краткое в начале русских слов
не значит...

* * *

...А мы с тобой немало прожили,
добра в дому немного нажили,
промчались годы непохожие,
но все до донца были нашими.
Давай оглянемся на прошлое,
не нами так заведено,
что вечна память на хорошее,
а остальное — в ней растворено.
Иных времен иные судьбы,
тома чужих разлук и встреч...
Мы этой памяти не судьи,
свою бы только уберечь:
от суеты, пальбы и пала —
и через это мы прошли...
Нам часто шага не хватало
до обетованной земли...

Тихо уходит из бухты лед,
как женщина,
готовая по первому зову
вернуться.

Тихо уходит из бухты лед —
нам с ним никак не разминуться.

Лед — это холод
бессонных ночей,
когда мы лежим спиной
друг к другу.

Лед — это шепот
бессвязных речей,
что, не кончаясь,
ходят по кругу...

...Тихо уходит из бухты лед —
это конец затянувшейся
нашей зимы.

Я слышал, я слышал тревожные струны —
то ветер звенел, пролетая над крышами...
Сегодня мне снились песчаные дюны,
и море, и ветер, и девочка рыжая.
И парус косою уплывающей яхты,
и черные туши рыбачьих шаланд,
и остров (смешное название — Ягры),
и домик, где девочка эта жила.
Там чайки будили ее на рассвете,
и солнечный зайчик плясал на стене,
и прыгал в окошко серебряный ветер,
и белым котенком сидел на окне.
Над ней не звенели тревожные струны,
а, может, она их просто не слышала...
Сегодня мне снились песчаные дюны,
и море, и ветер, и девочка рыжая.

Возле дома аллея узкая,
в ней — скамеечки по бокам.
Два фонарика тусклые-тусклые,
словно лунные облака.
Вечера тишиной насыщены...
После грохота громкого дня,
о, как долго друг друга ищем мы,
я тебя ищу, ты - меня.
Позову твое имя тонкое,
не откликнешься - не уйду!
Бродят мимо меня девчонки,
улыбаются на ходу.
Прячут лица в платочки белые,
шепчут ласковые слова...
...Я шепчу твое имя светлое,
как апрельская синева.

По волосам поземка стелется,
и застилает нам глаза —
твоя февральская метелица,
моя июльская гроза...

...

Проснулся ночью. Закурил.
Потом открыл скрипучее окно,
и улица,
со всем своим ночным бессоньем
ворвалась в комнату ко мне.
Фонарь напротив матово блеснул,
и угол осветил гостиницы...
А где-то в стороне,
слегка, приглушенные расстоянием,
звучали длинные, как нота "до",
гудки из бухты уходящих
теплоходов.
А внизу,
на уровне второго этажа,
трех тополей угадывались силуэты...
И оттуда, перебивая запах сигареты,
волнами поднимался
запах солнца,
который маленькие клейкие листочки
собрали за день,
и сейчас дышали им,
чтоб за ночь вырасти еще на сантиметр...
...А ты спала. И утро для тебя
еще не начиналось...

Сегодня ночью ты уедешь,
протяжно вскрикнет паровоз...

Сегодня ночью ты уедешь,
меня оставишь одного.

Я буду длинными ночами
бродить по комнате без сна,

я буду долгими ночами
сидеть у темного окна.

Тебя и вечером не будет,
тебя не будет на заре.

Меня ты утром не разбудишь
и не проводишь до дверей...

О, эти окна, эти стены —
твои запомнили шаги!

Мне эти окна, эти стены
нашепчут о тебе стихи...

Ночь ушла, кротка и коротка.
Таёт месяц в редком мелкозвездье.
Изморозью тронуты слегка
старых слов пустое мелколесье.
Скуп и бледен призрачный рассвет...
Женщина!
Не надо слов и вздохов.
Хорошо ли мне с тобою?
Нет! Просто без тебя
мне очень плохо...

Приметы осени знакомы
до каждой капли дождевой,
душа природы — на изломе...
Осенних красок пир горой!

Женщина, которая с тобой

... ..

...Мы— листья, листья, листья!—

Они в ответ зашелестели...

Леонид Мартынов

В октябре немислимые ветры
по стеклу оконному стучат...
А тебя умчали километры,
может, год, а, может, сто назад.
Падают с деревьев листья, листья,
падают сегодня, как вчера...
Но твои коротенькие письма
не доносят до меня ветра.
Мимо затемненного вокзала,
мимо нас летели поезда.
Что-то мы тогда не досказали,
что-то мы не вспомнили тогда...
Падают с деревьев листья, листья,
падают сегодня, как вчера,
но твои коротенькие письма
не доносят до меня ветра.
В октябре закаты и рассветы
сквозь дожди осенние встают...
День и ночь — немислимые ветры
о тебе забыть мне не дают...

Падают с деревьев листья, листья,
падают сегодня, как вчера.
Но твои коротенькие письма
не доносят до меня ветра...
Знаю я, тебе необходимы
эти листья, улетающие вкось,
мы с тобою, оба-два, неразделимы —
так уж в нашей жизни повелось.
Падают с деревьев листья, листья,
падают сегодня, как вчера,
но твои коротенькие письма
не доносят до меня ветра...
Где-то из-за дальней непогоды
донесется голос мне:
"Я люблю тебя все эти годы
наяву. И тысячу — во сне!"
Падают с деревьев листья, листья,
падают сегодня, как вчера,
но твои коротенькие письма
не доносят до меня ветра.

Тихо и торжественно
часы на стенке тикают.
ко мне подходит женщина
с улыбкой тихою.
Моей щеки касается
горячая рука...
И стены раздвигаются,
и стены раздвигаются,
и в комнату втекают облака...
Мне чудится,
мне чудится
в глазах ее сияние,
и рушатся,
и рушатся
миры и мироздания...
И надвое расколота
летит земная твердь!
А ночь гудит, как колокол,
а ночь гудит, как колокол,
сквозь белую метель!

Поссориться...

Чего же проще —
не надо длинного ума.

Возникло:

Ты плоха, а я — хороший!

И заварилась кутерьма...

И вечер начисто испорчен,

и ветер в форточку гудит,

и мы, надутые, как лорды,

в глаза друг другу не глядим.

Переоцениваем факты,

и с той, и с этой стороны.

И отвергаем все контракты:

Мы — в состоянии войны!

И разделяется квартира

незримым, прочным рубежом,

на два враждующие мира,

где каждый шаг — насторожен!

И все готово к наступленью,

обида душу теребят...

Но вдруг, в какое-то мгновенье,

мы просто взглянем на себя...

У проходной стоит девчонка —
кого-то ждет. Народ идет.
Пропел гудок протяжно, тонко,
народ прошел. Она все ждет.
Смешные бантики в косичках
задерно в стороны торчат...
Стоит девчонка-невеличка
уже который час подряд.
За проходной кипит работа —
металл грохочет о металл...
Наверно, есть там этот "кто-то",
что мимо счастья прошагал.
Спустилось солнышко за крыши,
унылый дождь заморосил.
Старик-вахтер из будки вышел,
ее о чем-то там спросил.
И снова долгие минуты
стекают каплями дождя.
Она уйдет. А завтра утром
опять придет. И будет ждать...

Я помню — дождь хлестал в окошко,
шумел промокшею листвой,
и ты, смущенная немножко,
рассталась нехотя со мной.
Под стоны стаи журавлиной,
осеннюю вминая грязь,
прошел под рыжею рябиной...
В последний раз?

Я люблю весною, в мае,
тихих сумерек наплыв,
чтобы солнце, засыпая,
опускалось в залив.
Чтобы долго плыли тени
засыпающих берез...
Чтоб в глазах твоих весенних
никогда не видел слез.

Мы чуть не забыли про ту весну!
Если помним, то самую малость...
Не закрашивай седину —
она нелегко досталась!
На пороге у той весны
был февраль — наша точка отсчета.
Не стыдись своей седины:
в ней вся жизнь твоя и работа...
Но мы вспомним про ту весну!
Далеко она — так обидно...
Я люблю твою седину,
даже если ее не видно.

Ночь свежо и влажно дышит —
будто за окном течет река.
Я — один. Не сплю.
И вдруг, чуть слышно
колыхнулась первая строка...
Первая строка стихотворенья,
первый шаг ребенка по земле...
До поры весеннего цветенья
бродит сок в березовом стволе...

За городом будто пожар:
Пылает оранжевый шар!
И каждый — и мал, и стар,
в ту сторону поглядит.
Очарованный снег блестит,
Морозная даль хрустит.
И рассыпает пожар
холодный, задумчивый жар...

На реке черный лед
плывет — не плывет,
тает,

исчезает...

Над рекой небосвод
куда-то плывет,
синий, синий...

За рекой — поля,
на полях земля
теплая, теплая...

Я почему-то вспомнил листопад
В разгар весны и буйного цветенья.
Сырую осень. Опустелый сад.
Скелеты яблонь, черных, словно тени.
Казалось, вся природа умерла,
Вздохнув последним, отдаленным громом...
Но вот, опять весна пришла,
Как доктор к своему больному.
Вот так и мы, во все года,
жить друг без друга не умеем,
и, мчась на разных поездах,
в разлуке осенью болеем...

В январе, ничего себе, —
апрельская капель!
Все смешалось, как в доме
Облонских:
и зима, и весна...
И теперь не понять:
то ли это в ближнем лесу
поет свиристель,
то ли это — вчерашней весны
отголоски...

A black and white illustration of a rocky coastline. The foreground shows jagged, light-colored rocks. The middle ground features a dark, textured sea with several seagulls in flight, their wings spread. One seagull is perched on a rock in the lower center. The title 'Мои причалы' is written across the middle in a bold, black, serif font, slanted upwards from left to right.

Мои причалы

Привет, Находка!

Я долго шел.
Я ехал долго.
Куда? И сам того не знал...
Водила дальняя дорога
среди долин и среди скал.
Я жил в избушке лесорубов,
рубил на шахте уголек,
но я искал не длинный рубль,
и не уютный уголок.
Я шел, столицы огибая,
шел по таежным городам,
и вышел к морю. Голубая
волна мне кинулась к ногам.
А перед восхищенным взором,
до крыш в строительных лесах,
возник портовый, юный город,
поднявший краны к небесам.

Он был застенчив, как подросток,
И, как мужчина, был суров.

Сплелись бесхитростно и просто
дома, и мачты сейнеров...

А там, у длинного причала,
все корабли, все корабли,
как продолжение и начало
еще неведомой земли.

Был полон красоты особой
тот город, в дымке заревой,
по склонам сопок крутолобых
спускались улицы его.

Куда-то шли морской походкой,
терялись где-то среди скал...

Привет тебе, моя Находка,
как долго я тебя искал!

Баллада о якорях
(триптих)

*В начале улицы Ленинской (бывшей Московской)
установлены два якоря в честь открытия
бухты Находка.*

1.

Якоря навечно влиты в камень,
как в пьедестал. И в том
есть суть и смысл — людская память
о пережитом и былом.

Хранит в себе, давно минувшее,
холодный кованый металл...

А нас святая память мучает:

Ну, как вы там? Ну, как вы там?

Ну, как вы там, в другом столетии,

через сибирские снега,

и океанов кругосветие,

пришли на эти берега...

Пришли полпредами российскими,
высоким помыслом горя...

В далекой бухте склянки брызнули —
на грунт упали якоря.

Палитра . . .

В июне 1859 года парусно-паровой корвет "Америка" у скалистого мыса Поворотный попал в шторм. И уже не надеялись на спасение моряки, когда судно из ревущей кромешной тьмы вынесло в тихую бухту...

2.
Рассвет был солнечен и ярок...
И, как всегда, после штормов,
лежала бухта, как подарок,
в оправе девственных лесов.
Еще скрипели мачты глухо,
на берегу изюбрь трубил,
а флотский штурман Долгоруков
на карту бухту наносил.
А про вчерашнюю погоду
на баке в шутку изрекли:
— Да, была погода, не находка...
И так вот бухту нарекли!

*(продолжение
на следующей странице)*

*"...Мы на краю,
у начала земли, но это уже Россия!"*
Александр Яшин

3.

Как велика Россия, Родина —
не обозреть и не объять...
Она и в листике смородины,
и в каждой капельке ручья.
Она — в высоком небе синем,
у всех истоков и начал.
Она и здесь, моя Россия,
где первый вбили мы причал.
И нас неласковой погодкой
здесь встретил Тихий океан...
И здесь построили Находку
потомки славных россиян!

Памяти "Надежды"

Мне когда-то показала
 синеглазая Алена,
 белый парусник крылатый,
 что стоял на перевале,
 над Находкой, над заливом.
 Пролетал он океаны,
 много дней вдали от суши,
 и к нему любые ветры
 прикасались осторожно:
 так он был красив и легок,
 словно облако спустилось
 с высоты, на землю нашу,
 белым парусником стало...
 ... Мне сегодня показала
 синеглазая Алена место,
 где сгорел крылатый парус
 что парил над перевалом,
 и развеял ветер пепел
 над Находкой, над заливом...

Бушует зелень молодо,
 и облака чисты.
 А я несу по городу
 красивые цветы.
 Прекрасно утро ранее
 над городом моим,
 как первое свидание
 на счастье молодым!
 Иду без приглашения,
 как к себе домой,
 к тебе на день рождения,
 любимый город мой!
 Ведь мы с тобой друзья давно,
 тому немало лет,
 горел повсюду надо мной
 твоих причалов свет!
 В морях, сквозь штормы резкие,
 твои летели к нам,
 короткие и веские
 слова радиogramм.

И как бы ни была путина тяжела,
нас помнят дома, и у нас
на лад пойдут дела.
Качает Тихий океан —
крута его волна,
к нам долетит через туман
Приморская весна.
И верит дальний городок:
домой придет моряк!
В Находке каждый огонек
нам светит, как маяк...
Бушует зелень молодо,
и облака чисты,
а я несу по городу
красивые цветы!

* * *

Возле Дома культуры,
у белых и строгих колонн,
я подолгу стою.
Я давно уж влюблен
в этот город, открытый
соленым ветрам,
в этот город, что к морю
спешит по утрам:
на плавучие доки, в цеха
и к портовым причалам,
в тесноту корабельных кают,
и на вахту к штурвалам...
На работу спешит он
в брезентовых робах,
в сапогах, в телогрейках,
пахнувших рыбой...
На причалах умно головами
качают краны,
день и ночь теплоходы
уходят в дальние страны...
Теплоходы уходят,
а я — остаюсь,
с этим городом очень
расстаться боюсь...

Речка Каменка —
не широкая.

Речка Каменка —
не глубокая,
а когда-то была другой...

Нынче в Каменке,
ну, ни камушка! —
заросла она черной травой.

Затянуло болотной тиной
берега. А воды — воробью
по грудь. Лишь моторы
автомобильные
будоражат зеленую муть...

Речка Каменка! Мне откликнись!
Речка Каменка, я хочу,
чтобы волны твои катились
по груди моей, по плечу...

Ты была же когда-то сильною,
непокорною ты была!

Не любила прямые линии,
а любила удар весла...

И стремительное течение,
и скольжение рыбьих тел...

Речка Каменка, я в смятении,
что осталась ты не у дел...

* * *

Сегодня мы встали по-новому,
стрелки с вечера сдвинув на час.
Октябрь уже, и шутки в сторону —
где-то зима догоняет нас.
Вышел на улицу. Боже мой!
Туман такой, что черпай ложкою!
Ворох листьев всхлипнул под ногой,
темнота вскричала черной кошкою...
В тумане не видно огней нигде,
только звуки со всех сторон —
то ли это шаги людей,
то ли на Астафьеве вскрикнул паром,
то ли скворчат на руке часы,
привыкая к новому распорядку...
Кто-то, невидимый, пробасил:
"...черт, морду расквасил всмятку..."
Житейские мелочи. Мне не до них
сегодня. В такое туманное утро
самое время пару страниц
написать. Нетленных и мудрых...

• • •

Я иду по веселой дороге —
ручьи заливают мой путь.
Не чувят усталости ноги,
хотя им пора отдохнуть.
Поистине — вольному воля,
и дышится в полную грудь,
среди безмятежного поля,
на мягком весеннем ветру.
Куда же иду? Сам не знаю,
Зовет горизонт. И к тому ж,
смеется весна молодая
миллионами радужных луж!

• • •

Отдыхают у причалов корабли,
смотрят в воду сонными клюзами,
притяженье Матери-Земли,
чувствуя усталыми бортами.
Им, как людям, хочется порой,
после бурь и трудных плаваний,
ощутить блаженство и покой
у причалов нашей
Доброй
Тихой Гавани.

Я в лес входил, как в откровение,
стелилась под ноги трава.

И где-то, очень сокровенные
всплывали в памяти слова.

Как перед дальнею дорогой,
еще не в силах все понять,

стоял пустой и одинокий

огромный лес вокруг меня

Ронял плоды свои орешник,

кончалось птичье торжество,

и журавлиный крик нездешний

вдруг возникал из ничего.

А листья падали на голову:

Какой жестокий листопад!

Стоят дубы по пояс голые,

березы голые стоят!

Вершилось таинство в природе,

во всех пределах — от и до...

А под кустом вороны бродят,

клюют синичкино гнездо.

* * *

Вот лист упал. И ветка покачнулась.
И вздрогнул ствол, утратив лист живой.
Ничья душа на то не оглянулась,
лишь ветер прошуршал над головой.
Вот лист упал. В лесу светлей и шире,
Природе это надо. Она всегда права.
Она и мы — сосуществуем в мире,
хрустит под сапогом вчерашняя листва.
Вот лист упал. Его полет — мгновение.
Мгновенна жизнь летящего листа.
Лес обнажен — какое откровенье!
На землю завтра грянут холода...
Вот лист упал. И ничего такого
В окрестной жизни не произошло.
Но кем-то все брошенное слово
в душе глухим сомненьем проросло...

* * *

Туманным было утро,
а на дворе — зима.
Я поспешил на бухту,
пока не спал туман.
Пока под ним, под белым,
до жути холодна,
шуршит заледенело
декабрьская волна.
Пока Сестру и Брата
угадываю лишь —
их профили крылаты,
как очертанья крыш.
Пока меж ними солнце
в оранжевом венке
сверлит себе оконце
в туманном молоке.

Пока знакомый берег,
как будто не знаком,
как будто здесь не бегал
когда-то босиком.

Как будто ветер мая
здесь не летал, смеясь...

Смотрю, не понимаю:
виденье или явь?

Над вытянутым пирсом,
рассудку вопреки,
как призраки, повисли
седые рыбаки.

Не трепыхалась рыба
у них в мешках, в сумах,
с крючков срывалась рыба,
и падала в туман...

* * *

Ветер вылетел из-за угла,
ветер полы рванул пальто...
Я не помню: со мною шла
ты? Иль, другая — кто?
Ветер прыгал на изгородь,
ветер был не у дел...
Засиневшую изморозь
я в глазах разглядел.
Чьи глаза это были?
Неужели — твои?
До сих пор в них застыли
поцелуи мои...

* * *

Еще земля зимою бредит,
но с крыш беснуется капель.
Еще мороз по лужам бродит,
но ветры принесли апрель...
И я весеннею дорогой
уйду в соседние леса,
и буду нежно ветки трогать,
и слушать птичьи голоса...

Встреча

Станет грустно тебе одной —
позови меня, позови!
Слышишь, кружится шар земной
по орбите моей любви...
Позови меня, позови!
Станет больно тебе, не молчи —
позови меня, позови!
Слышишь, сердце мое кричит:
"Позови меня, позови!"
Я приду к тебе, позови,
через толщу материка,
через годы, через века,
я приду к тебе, позови!

Опять весна течет и плачет,
и сушит губы у девчат.
Опять влюбленные маячат,
и так загадочно молчат!
Как будто им известно что-то,
чего неведомо другим...
И так всегда, пока природа
вращает времени круги.

Встреча

Я шел по дороге
Улыбаясь, смотрел на море,
на солнце,
на лес.

Хорошо, когда есть сразу —
и солнце, и море, и лес!
И вдруг я увидел: вокруг меня
убегало лето!
Оно скакала по морю
стайками белых ушастых зайчишек.
Оно летело по небу
Клочьями рваных туч,
поминутно закрывавших солнце.
Оно бежало зеленым ветром по лесу,
перепрыгивая через большие деревья.
Я оглянулся назад. Я хотел увидеть,
где кончается лето, и, носом к носу,
столкнулся с девушкой,
одетой во все желтое...
"Извините...", - пробормотал я.
Но она даже не взглянула на меня —
так она была занята!

Длинным концом своего желтого зонтика она метко сбивала зеленые листья с деревьев — они падали на дорогу, обливаясь зеленой кровью... Я хотел догнать, остановить хулиганку, Закричать ей в лицо: "Девушка! Что вы делаете? Как вам не стыдно!" — но она была уже далеко. Возмущенный, я пошел своей дорогой, разглядывая удивленно лежащие на земле листья — они были желтые...

Светлее небо по утрам —
ушли февральские метели.
Я видел иволгу вчера,
сегодня слышал коростеля.
Еще ледовая пустынь
звенит под быстрыми коньками,
а тут — багульника кусты
цветут над белыми снегами!
От них и ясно, и светло,
они мою врачуют душу,
и их нежаркое тепло
я жестом грубым не нарушу.
Я постою перед кустом,
смахну снежинки с рукава,
и всем, кто встретится потом,
скажу хорошие слова...

Во дворе у больницы — скворешни,
на больших и старых тополях.
Что-то долго жители здешние
задержались в чужих краях.
Здесь морозы уже оттаяли,
и идут грозовые дожди,
и земля — вся сплошная проталина,
и весна — вся еще впереди!
Каждый день я смотрю на скворешни —
тополя скоро вспыхнут листвой...
Где-то крыльями машут, сердешные,
поспешая сюда, домой!

Приветствие ***

Улица Портовая.
Дорога в порт.
"Мазы" гремят отчаянно...
Улица Портовая,
как пароход,
к морю причалена.

* * *

Меня давно тянуло на море.
Пришел. И показалось мне:
оно в своем ледовом трауре
уже готовится к весне.
Оно дышало настороженно
под коркой вздувшегося льда,
и колыхалась замороженно
в полыньях стылая вода.
Еще сгибал мороз нешуточный
на льду последних рыбаков,
и над заливом висли сумрачно
громады серых облаков.
Но, за грохочущими кранами,
за цепью дальних синих гор
запахло теплыми туманами
далеких солнечных озер...
И так отчетливо представил я:
шумна, бурлива, зелена,
вон там, за мысом, за Астафьевым,
к нам приближается весна!

Я вышел к морю. В бухте сонной
куда-то волны шли гуськом.
Насквозь оранжевое солнце
спускалось в воду босиком.
Лучами длинными махнуло
деревьям желтым, птицам, мне,
и, зябко съежась, утонуло
в осенней стылой глубине.
Я вышел в город. Сумрак жесткий,
подняв осенний воротник,
забрел на тихий перекресток,
и к фонарю щекой приник.
Потом устало лег на крыши,
повис на тонких проводах,
и я отчетливо услышал,
как заиграли провода...

* * *

Корабли приходят и уходят
на призыв маячного огня.
Я стою в смятении у сходен —
корабли уходят без меня...
Здесь, на самом краешке причала,
мне покоя не было, и нет...
Слышу: якорь-цепь прогрохотала.
Вижу: от винта помчался след.
Двигателя частые удары
в сердце давней музыкой звенят.
На корме стоит какой-то парень,
чутьочку похожий на меня...
На того, безусого, который,
что-то очень много лет назад,
так же уходил впервые в море,
и от ветра прикрывал глаза.
Только ветер тут, конечно, к слову,
может быть, и не было его...
Почему же прихожу я снова
посмотреть на парня, на того?
Что-то в нем знакомое, родное,
только так уж водится всегда —
остается юность за кормою
ниточкою белого следа...

А кто не помнит бабушкины сказки,
где все не так, где все наоборот...
... Емеля на печи, как на салазках
под вечер выезжает из ворот.
За ним бегут гурьбою ребяташки,
Кричат ему: "Емеля, прокати!".
Закрыв глаза, пузатые купчишки
Сигают от Емелиной печи.
А он катит вперед неотвратимо,
(и голос бабки чуточку дрожит),
не в том ли дураке невозмутимом,
начало русское лежит?

Мой дом приговорен на слом —
над ним могильщики кружат...
Россия, Родина, мой дом
живут на лезвии ножа.
Вот эта улица, и та —
они пока что есть,
а тут, где Дом мой, пустота,
химическая взвесь...

Как мы рассеяны бываем,
когда в себе, в себе, в себе
добро случайно открываем,
но, не заметив, закрываем,
опять в себе, в себе, в себе...

Когда таинственно мерцает
в душе какой-то огонек,
мы ничего не замечаем...

И вдруг — себя!

Себя встречаем
на перекрестке трех дорог.

Есть что-то странное в обличье,
хоть тот же голос,
тот же взгляд...

И только сердце необычно,
и только губы непривычно
о чем-то добром шелестят...

Это было давно.
А, быть может,
вовсе не было никогда...
Отчего же душу тревожат
уходящие поезда?
Часто ночью проснусь от крика
паровоза, там, под горой,
он уходит, стуча на стыках.
Он уходит, а надо мной
потолок белый — беленький,
а вокруг — четыре стены...
Что-то в жизни неладно сделал я —
слишком много в ней тишины.
Слишком много уюта полного,
слишком много никчемных дел,
слишком много еще не понял я,
не увидел, не доглядел,
недовысказал,
недослушал,
не оставил где-то следа...
От того и тревожат душу
уходящие поезда...

Не зная устали и жалоб,
мы сокращаем жизнь трудом...
Но слишком многое, пожалуй,
мы оставляем на потом.
Потом насмотримся,
нагоним,
наговоримся,
воздадим...
Мелькают годы, как вагоны,
и вот — полжизни позади...

Вернуться в детство очень просто,
но мне не хочется туда...
...От взрывов бомб грохочет остров,
кипит соленая вода.
И бабка крестится на Образ,
другой рукой, прикрыв меня...
От взрывов бомб грохочет остров —
на детство падает война!

Валерию ЗЮЗЮЛЕВУ

Звучала музыка в лесу
О, как она звучала!
Как будто небо на весу
торжественно держала.
И было море, и туман,
укрывший берег дальний,
сводила музыка с ума
мелодией печальной...
И лес, и море —
два крыла,
ее несли легко и просто,
и над землей она плыла,
прозрачная, как воздух...

Мише ГУТМАНУ

Когда средь сутолоки дней,
хвалы, хулы и всяческого сора,
ты вдруг захочешь стать добрей,
ты приходи на берег моря.

Когда хандра в тиски зажмет,
и сердце с разумом в раздоре,
не жди, что кто-то позовет —
ты приходи на берег моря
в любое время, день и час
от суеты, хандры и горя
оно излечивает нас...

Ты приходи на берег моря!

...

Николаю РУБЦОВУ

Уйду от шума городского
Под сосен шум, к звезде полей,
чтобы пристрасно и сурово
проверить смысл ночей и дней.
Они бегут неотвратимо,
Чтоб горсткой пепла на ветру,
или дрожащей струйкой дыма,
растаять рано поутру.
Пускай они и станут тленом,
во мне живущий адский дух,
переживет их непременно,
и вновь на свой вернется круг.
Тогда я снова стану прежним,
пойду с друзьями пить вино...
А дома матушка, как прежде,
засветит в горнице окно.

Сыну

Еще лежал он в белой колыбели,
 еще огромный мир его смущал,
 когда ветра морские залетели
 в окно, дробясь у сумеречных скал.
 А он лежал, глазенками упорно
 уставясь в небо, в туч обвал,
 как будто голос бешеного шторма
 на всю большую жизнь запоминал...

Тихонько шлепаем по заливу —
 слабосильный у нас двигун.
 И струна горизонта слева
 нам наигрывает ноктюрн.
 По законам морским и уставам,
 все у нас пока получается...
 Но полоска земли, что справа,
 истончается, истончается...

Николаю САУНИНУ

Пространство, время, перспектива —
океанская даль близка...
Ты где увидел это диво —
"Крылатые облака"?
На маяке Сюркум? На мысе,
с высоты полета орла,
ты увидел огромные выси
и душа твоя замерла...
И на том берегу океана,
на котором ты бросил весло,
вдохновенно и осиянно
родилось твое Ремесло!
Пусть этот свет, и эти дали
на полотне твоём живут,
чтоб мы им сопереживали,
хотя бы несколько минут...

Николаю МОРОЗОВУ

Как на травах блестят росинки,
огоньками утренних звезд!
От Ивановки до Осиновки
Всего-навсего тридцать верст...
То я полем иду, то лугом,
то дорожною колеей,
поднимается полукругом
радуга надо мной.
Воздух полон такими звонами!
И окрест меня — ни души...
Вдруг машина, гремя бидонами,
обгоняет меня, спешит.
Время утренней дойки, стало быть —
молочко потечет тепло...
Просыпается, хлопая ставнями,
все Ивановское село!

На погосте

Россия! Русь! — храни себя, храни...

Николай Рубцов

Все меньше беременных женщин —
дворы без детишек пусты.
Рожаем все меньше и меньше —
растут на погостах кресты...
Уходят мужчины и женщины,
не вкусившие в жизни празднества,
ни во что не верящие,
а по жизни — грешники...
И какая тут, к черту, разница!
Уходят мужчины и женщины
в расцвете непрожитых лет...
Уходят невесты, не венчаны,
за ними мальчишки вослед...
Всех косит косая зараза —
ей жизнь уступает жнивье...
На теле России цветут метастазы,
в куски разрывая ее!

На ***

Прилив — отлив: так море дышит.

Отлив — прилив... И так всегда.

Сегодня ночью вдруг услышал,
как падает звезда.

Закат — рассвет: так небо дышит.

Рассвет — закат: и сутки прочь...

Сегодня ночью вдруг услышал,
как дышит ночь...

Волна, отринув от причала,

умчалась прочь,

и в этот миг отчаянно,

взахлеб вздохнула ночь.

И в этом вздохе было нечто,

что невозможно превозмочь...

Затем случился день, и вечер,

и в утре растворилась ночь...

Реминисценції

1.

...в это верить совсем не хочется,
 и стараюсь не замечать —
 начинают меня по отчеству
 все знакомые величать.
 Говорят мне: — Геннадий Петрович,
 что за думы у вас
 на челе?
 Я тотчас опускаю брови,
 будто что-то ищу на земле...
 Это что же такое ищется,
 в уходящей цепи времен?
 Это что же такое движется,
 давит сердце со всех сторон?
 Вечерами усталость длинная
 мое тело берет в тиски,
 босиком под тугими ливнями
 стало бегать мне не с руки...
 И уже не тянет на улице
 по-мальчишечьи
 влезть в сугроб...

По ночам мне все чаще
чудится,
как морщинки сползают на лоб.
Замирая во мраке кромешном,
я не в силах даже кричать,
начинают на мне, сердешном,
годы ставить свою печать...
В это верить совсем не хочется,
только хочется закричать:
— Не зовите меня по отчеству,
перестаньте меня величать!
Я ведь молод еще и куражлив,
Я же вечен, как дважды два!
...и плывет еще мой кораблик
к неоткрытым еще островам...

2.

...еще один год минул,
канул в вечную Лету...
Мы все на земле — пилигримы,
романтики и поэты.
Светлые сны приходят
к мальчику в колыбели,
светлые сны уходят,
если жизнь - на пределе.
Пляшет под окнами свадьба —
снега фата белее...
Если б тогда знать бы,
кто из них Лорелея?
Ночь, будто черный парус,
несет мой корабль усталый,
и плыть мне так мало осталось,
и сил уже не осталось...
Знаешь, пошли в горы,
в тайгу, которая рядом...
Нас разлучает город,
соединяет город,
и это — до боли свято!
И я, пятидесятилетний,
ночью смотрю в небо,
я ведь еще не был
там, где висят звезды,
и удивительный воздух
пахнет забытым летом...

3.

...опять строка не получается,
хоть плачь, не получается...
Со мной все чаще так случается,
когда строка не получается.
Я где-то слово потерял,
единственное, нужное,
почти жемчужное...
Ищу его на улице,
жемчужное зерно,
оно порой мне чудится,
лежащим под окном...
Сбегаю вниз по лестнице —
четыре этажа —
навстречу люди мечутся,
думают, пожар!
Но я разочаровывать их
даже не берусь,
сломать, рискуя, голову,
вниз мчусь...
Ведь из окна увидишь разве
даль дорог?
Из окна услышишь разве
шепот трав?
Надо выйти на дорогу,
и шагать, и слушать, слушать
потаенный гул земли...

4.

...неважно, что там за окном —
метель, мороз иль вьюга...
За стол всех наших соберем,
Посмотрим друг на друга.
Друг другу поглядим в глаза,
и год мы подытожим:
Что было с нами год назад?
Что будет годом позже?
Мороз разрисовал стекло
на фоне темной ночи...
Кому-то в чем-то повезло,
кому-то, и — не очень!
Там зайцы прыгают в ночи
вокруг мохнатой елки...
Нальем еще раз, помолчим,
под звон бокалов тонких.
Уходит год, уходит год,
тихонечко в сторонку,
быть может, Новый принесет
нам счастья в жизни долгой
Немного в дом тепла, добра —
нам много и не надо!
А надо, чтоб, как у костра,
плечо родное рядом...

АЖКОГОЛИ

Камо грядеши?

Талант, народ глаголет,
не пропьешь —
ах, как же эта истина верна!
Россия! Ты по жизни на бровях
Идешь —
Ужели в том Твоя вина?
Сегодня пьем — уж так пришлось...
И завтра пьем — опять до дна...
На посошок? Ай, брось!
У нас еще немеряно вина...

Времена

Никогда я не был в "интернете",
И "мобильник" не ласкал мне ухо...
Так и живу на белом свете,
как у моря старик со старухой...

Юбилей

Грамоты, свидетельства, дипломы...
Да, по жизни был я не Обломов!
Не человек в футляре,
поскольку не бездарен,
не конь в пальто...
А толку — что?

Диагноз

По Руси я прошел незамеченным,
ни в какой обители не крещен,
и умру от цирроза печени...
От чего же еще?

Диалог

Я: — Плыву на лодочке резиновой,
за рыбой, не за магазиновой...
Гутман: — Доплыл до водки магазиновой,
и — нету лодочки резиновой...

На последнем берегу

Кто-то выходит из пены морской,
лодка Харона скользит по волне...
Девушка машет кому-то рукой —
хочется думать, что мне...

Не рулевой я...

Ни разу не рулил автомобилем,
и потому не задавил я никого...
Меня ж, увы, так часто били!
И — что с того?
А то, что есть на белом свете
"...и жизнь, и слезы, и любовь!".
И если Бог тебя приметит,
то к покаянью душу приготовь...

Круговерть

Наша жизнь идет по кругу,
то и дело, упираясь в горизонт...
Пришел однажды в гости к другу,
а у него — ремонт!

К Отчеству

Я прошел шесть морей
 под твоею звездой.
 Я бродил не по нашей земле,
 грыз последний сухарь,
 просоленный волной,
 водку пил за здравие
 двух королей...
 ...Отечество мое!
 Теперь и ты — налей...

Плыву на лодочке резиновой
 за рыбой, не за магазиновой.
 Тащу на лесочке капроновой
 из глубины бычка ядреного.
 Я его люблю, как брата,
 Под стопу, да под томатом...
 Только это все мура,
 камбалу поймать пора,
 ростом с донышко ведра...

Черт те, что...

Тоска неизбытая,
Язвина скрытая,
Злая тоска.

Жизнь эта скверная,
Все други верные
Хуже врага.

Думать не хочется,
Где-то колотится
Посохом смерть.

Глянет безглазая,
Дунет заразою,
Кончу я петь.

Небо и улица
Тучами хмурятся,
Стонут ветра.

Жизнь эта скверная,
В гроб мне, наверное,
Падать пора.

Молодо — зелено,
Было — потеряно,
Юность прошла.

Все, что хорошего,
Было, все брошено,
Сгибло дотла.
Тучки белесые,
Девичьи косы я
Стал забывать.
Ходит любимая,
Ветром гонимая —
Мне наплевать.
Времечко тянется,
После не взглянется
Прямо в глаза.
После не вспомнится
Тихая скромница,
Синь — бирюза.
Ну, и катитесь вы,
К дьяволу, что ли...
Эй, берегись!
Это — моя,
Необузданным чертом,
Мечется жизнь!

...

Вот возьму, и брошу все, к чертям!
Утоплюсь, и будет по волнам
Труп, опузыревший, мой носиться...
И никто слезу не потеряет,
Только, разве, ярче засверкает
Небо, цвета голубого ситца.
И еще немало дураков
Взамен меня родится!

...

И в ранней юности, и в зрелось —
Люблю полночный бой часов,
Когда на грани двух миров
Лежит немая безмятежность.
Прогнав последний отзвук дня,
Сжимает ночь сухие губы...
А за окном поют — звенят
Всю ночь таинственные трубы.
То — голос предков. Из могил
Встают все пленники Дантовы,
И миллионы мерзких рыл
Сожрать меня живьем готовы...

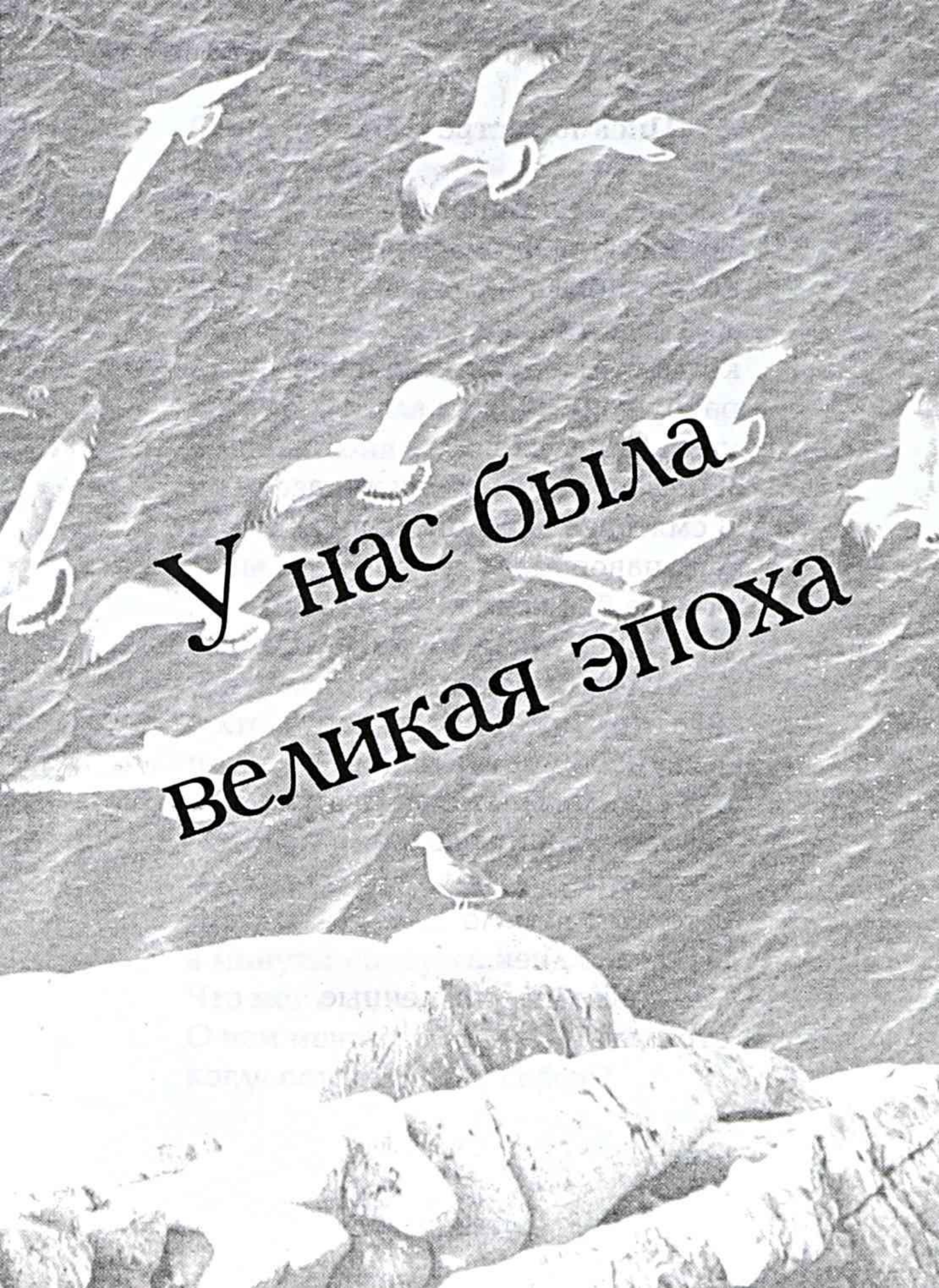

...

А что там нынче в небесах?
Все так же звезды зреют...
А что там нынче на лесах?
Изюбри в гоне млеют...
Значит — весна!
А что там нынче в городах?
Все те же заморочки...
А что теперь у нас в сердцах?
Любовь? Инфаркт досрочный...
И ночи без сна...
Так что же все-таки не так?
Не спрашивай, дурак!

1980 год. Шефы на полях или Мое завещание

Когда я последний рядок подберу,
и лягу на поле, у бровки,
прошу вас, исполните волю мою:
похороните меня во Фроловке.
Не надо оркестра, и плакальщиц хора,
подкиньте лишь мне в изголовье
капустное поле, рядок помидоров,
и скромную грядку моркови...
Не говорите, мол, был он хорош,
достойн, мол, он обелиска...
меня помяните в отделе. И все ж,
не исключайте из шефского списка.
Тогда я вообще никогда не умру —
хоть бейте в упор из винтовки!
Живым и здоровым, на завтра к утру,
найдете меня во Фроловке.
Когда ж я последний куплет допою,
а вы уберете из списка,
прошу вас, исполните волю мою:
поставьте мне два обелиска.
Первый — в Находке,
где долго я жил...
Второй — во Фроловке,
где шефом служил...

У нас была
великая эпоха

Письмо сестре с флота

Сестра, ты помнишь?
Ты все, конечно, помнишь.
Ведь ты была большая,
а я совсем малец,
когда семью и детство наше
разрушая,
ушел от нас отец.
Я не запомнил матери лица...
В смятенье, в судороге щек,
она, наверное,
рыдала без конца,
упав к нему на жесткое плечо.
А, может, было и не так,
Все это, может,
выдуманно мной, а просто —
без скандальных сцен и драк,
ушел, захлопнув двери
за собой.
С тех пор немало
вымахало дней...
Что знали мы, рожденные
страдать?

Одну нужду, пред ней
не выстояла первой
наша мать.

...Что говорить, нас чуть не смыло
шквалом!

Житейской правды выпили до дна...

Душа на жизнь стенать устала —
нет, не любила нас страна!

Давно я понял, что жизнь —
не праздник. Что праздник
где-то ходит стороной...

Луна не выпитою чашей
манила к вывеске пивной!

И я вошел туда, и сразу
мне память сбил стаканов хруст,
и кто-то мне по морде смазал,
и я под стол упал без чувств...

Мне было больно, но это так,
простите мне такое рассужденье:
не солнце, а хрустящий четвертак
нужней мне был

в минуты пробуждения!

Что мог я сделать?

О чем мечтать,

когда остался сам с собою?

Ты далеко. И где-то мать,
наедине с своей судьбою...
Всех разбросал
жестокий рок,
и нет у нас родимого порога.
Ты не суди, что я не смог
пойти широкою дорогой...
Но я люблю большую жизнь,
хоть мне она и не знакома...
Привык я с мыслью той дружить,
Что, может быть,
я скоро буду ДОМА...

1959 год,
борт эсминца "Отчаянный",
Северный флот

Парамушир

Здесь океан теряет мощь и ширь,
будто боль стихает в старых ранах...
Проявляется остров Парамушир
на белесой стене тумана.
Холодны и пустынно его берега,
никогда не тают на нем снега,
и для нас — ни причала, не пристани...
Только что же мы смотрим пристально?
Много миль в этом рейсе пройдено —
за морями леса хороши!
Только он ведь кусочек Родины,
голый остров — Парамушир...

...

Скоро будет шуметь
привокзальный перрон,
и все кончит гудок паровоза...

Понесутся колеса
в полуночный звон,
мимо желтых полей
в белоствольных березах.

Мне взгрустнется немножко,
Назад погляжу: - До свидания, горы
Сихотэ-Алиня!

Я московским мальчишкам
о вас расскажу,
расскажу о рыбацкой путине...

Соберется у дома моего ребятня,
И в серьезном мужском разговоре
станут спрашивать у меня
о далеком студеное море...

Я припомню его и тот миг,
когда сердце волной
захлебнулось...

И прочту им нехитрый свой стих
про морскую, суровую юность.

Наследникам

Семнадцатый год. Октябрь. И Ленин,
руку простерший с броневика...
Россия вставала из тьмы подземелий,
Сжимая винтовку в голодных руках.
Из сердца России ненависть лютая
"Авророй" вырвалась вдруг!
И запылала в огне революция,
сметая с тронов царей и слуг...
Товарищ! Ты знаешь все это,
к чему повторять, что известно давно?
Но тех, что погибли за власть Советов,
ты видел в кино,
только в кино...
Ты с ними не шел в атаку
на белоказаков,
ты с ними не падал, расстрелянный,
на дно глубокого рва...
Но, друг мой, скажи мне,
ты разве не плакал,
читая о них скупые слова:
"Погиб на народ... За рабочее дело...
За правду... За волю... За хлеб..."
Скажи мне, дружище, а что ты сделал
В свои восемнадцать лет?

Воспоминания о флоте

1.
Я никогда не встречусь с вами.
Но, может быть, на склоне дней
найду тетрадку со стихами
матросской юности моей.
И со страниц запахнет морем,
услышу чаек шум и гам...
Колокола тревожным боем
зовут нас к дальним берегам.
И мы, романтики, поэты,
отдав швартовые земле,
мы уходили. А рассветы
пылали яростно нам вслед!
Мы уходили на ученья.
И там, среди сплошных тревог,
учились мы не по учебникам
искусству побеждать врагов.
И море, все зелено-черное,
метало в нас громады волн,
когда бортами воду черпая,
эсминец наш в "атаку" шел!
И мы б не знали выше чувства,
не испытав до остроты,
когда бы в воинском искусстве
не брали новой высоты.
Мы возвращались. И усталость
такой крылатою была!
В нас сила моря оставалась —
та сила в мускулы вросла...

2.

Смотрю в окно на спящий город,
и вновь беседую с тобой...

А помнишь, друг ночное море,
бурун, кипящий за кормой?

Та ночь была чернее сажи —
мы шли в дозоре без огней —
но каждый был незримо связан
с землею, памятью своей...

Мы службу только начинали,
пред нами даль была темна,
еще Устава мы не знали,
и не качала нас волна.

А помнишь, флотские ребята,
не церемонясь, не мудря,
нас называли "салажата",
и "заливали" про моря?

И мы, смешные первогодки,
их жадно слушали тогда,
и, восхищаясь их походкой,
им подражали иногда...

А первый шторм, как первый выстрел,
О! Как он нас ошеломил!

И только тот упрямо выстоял,
кто сердцем море полюбил.

Все было, мерзли мы и мокли.

Нас море било и качало...

Как в перевернутом бинокле,
я вижу юности начало...

У нас была великая эпоха

Бухта Врангеля

(триптих)

*Посвящается первостроителям
Восточного порта*

1.
Я поднял камень в бухте Врангеля —
он был величиной с ладонь.
И в нем, как в сердце птицы раненой,
гудел встревоженный огонь.
В тот день бульдозеры нахраписто,
в тринадцать тысяч лошадей,
скалу распахивали начисто,
и строем двигались к воде.
Шел счет на метры и на скорости,
гремящим гулом оглушен,
кричал прораб, не в личной корысти:
Давай еще! Еще! Еще!
И вспоминал при этом бога,
и всех подряд его святых...
А мимо шли девчонки по дороге —
несли таежные цветы...

...

2.

Пока ничего особенного,
пока все обычно так...

В динамике голос Собинова,
в кубрике полумрак.

Молча сидят ребята,
над бухтой луна, как свеча.

Лишь после боя солдаты
умеют вот так молчать.

Жизнь не вернешь на круги,
мгновенье уйдет в века...

У ребят остывают руки
от горячего мастерка.

День не напрасно прожит,
Стройка кричит: - Даешь!

Общежитие молодежное,
и первый причал... Даешь!

...Пока ничего особенного,
над бухтой луна, как свеча.

Чарующий голос Собинова
в динамике отзвучал.

Кубрик наполнился храпом,
Крепким, усталым сном.

Кто-то под самой лампой
пишет домой письмо...

...

3.

"Не пиши мне больше, мама,
чтобы я домой вернулся.

Ты же знаешь, я — упрямый,
как задумал, так и будет.

Не пиши мне больше, мама,
что по мне скучает кто-то...

Ей приходят телеграммы
с берегов далекой бухты.

В них всего три слова кратких:

"Приезжай, люблю, и точка".

И живем мы не в палатках,

а на старом пароходе,

так что, с бытом все в порядке.

Остальное? Тоже, вроде...

Знаешь что еще, родная,

ты скажи ей, если к слову,

что я жду ее, скучаю,

пусть приедет. Будем вместе

строить порт. И город новый..."

1971 год,

борт парохода "Приморье"

Здорово все же, что люди — работают.
Здорово все же, что люди — живут.
Здорово все же, что люди — не роботы,
детишек рожают, и песни поют.
Люди, мои товарищи по работе,
я — Здравствуйте! — вам говорю по утрам.
Друзья, вы песни такие поете,
что тошно становится нашим врагам.
Знаю, что есть среди нас и нытики,
плачут: до коммунизма-то двадцать лет...
Дать бы по шее подобным "критикам",
с дороги, им в будущем места нет!
Пусть себе хнычут, а мы — поработаем!
До коммунизма вовсе не двадцать лет.
Пусть себе хнычут, а мы — поработаем,
до коммунизма тысячи трудовых побед!
Слышу шаги моего поколения в тундре,
в Сибири, в тайге, на Луне...
Это шагают праправнуки Ленина,
это работа идет по стране!

• • •

Мы все взрослеем понемногу
и, что греха в душе таить,
мы часто принимаем за дорогу
тропинку, тонкую, как нить.

Она вела нас, уводила,
она смеялась и шутила,
шутила зло. Почти всегда
не приводила никуда...

Мы все взрослеем понемногу
и, что греха в душе таить,

мы часто топали не в ногу,
стараясь, идущих рядом,
удивить.

Но нам на пятки наступали,
нам оглянуться не давали,
и наши выходы, порой,
не нарушали четкий строй.

Мы все взрослеем понемногу
и, что греха в душе таить,
не слишком бережно и строго
умели чувства мы хранить.

И все, что было за душою,
мы растерять могли за час...

Спасибо, жизнь, тебе большое
за то, что часто учишь нас!

...

Ну что это мы все о звездах, о природе
строчим стихи ночами напролет...
Зачем в тайгу геологи уходят?
Зачем уходит в море теплоход?
Зачем нужна рыбацкая работа
по девять-десять месяцев в году,
до изнуренья, до седьмого пота,
что некогда и глянуть на звезду?
Зачем вот этот каменщик-строитель
укладывает в стену кирпичи?
Зачем, в конце-концов, скажите,
в груди так сердце бешено стучит?
Постой поэт. Останови мгновенье.
Оставь свое изящное стило...
Теперь иди. Пиши стихотворенье
в дороге, не за письменным столом!

Смотри, как ветер разыгрался!
На сопки тучи шапками надел,
далеким громом рассмеялся,
подбросил чаек на воде.
Потом как будто утомился,
прилег в прибрежных валунах...
И с новой силой устремился
плясать и путаться в волнах.
А тучи-шапки все утрюмей,
вот по воде промчалась дрожь,
и первой каплей, словно пулей,
пробил себе дорогу дождь!
Ручьи забулькали в кювете,
бежит прохожий под плащом...
А по заливу мчится ветер,
насквозь промокнув под дождем!

Старая баржа

Скрипя помятыми боками,
покачиваясь не спеша,
и носом стучаясь о камни,
приткнулась к берегу баржа.
Она печально смотрит в воду,
на отражение свое...
Проходят мимо теплоходы,
и не приветствуют ее.
Она ни в чем не виновата —
конец пути неотвратим...
Была и молодость когда-то,
но все осталось позади.
Ей ничего уже не надо,
Прижаться б к пирсу и уснуть,
и два пеньковые каната
к земле, как руки, протянуть.
Но часто-часто, среди ночи,
она застонет тяжело вдруг...
Ей снятся синие утесы,
и стаи чаек на ветру.
Плеснет вода под черным боком —
и вот она уже не спит,
и днищем слышит, как далеко
где-то море по ночам шумит...

В доке

Судно стоит на стапеле.
Роняя соленый пот,
я резакон, как скальпелем,
режу стальной живот.
Пойманной бьется птицей
пламя в моих руках,
ржавый металл искрится
под лезвием резака.
Раны у судна глубоки —
коварно морское дно...
И вот теперь на кильблоки
покорно легло оно.
Еще сохраняет днище
запах морских глубин,
и помнит форштевень хищные
удары зеленых льдин.
Но слышатся мачтам штормы,
но снится якорю грунт...
Ребята в брезентовых робах
скальпели в руки берут...

Поэты

Живут поэты рядом с нами,
спецовку носят, сапоги...
И на работе, за делами,
бормочут складные стихи.
Один, играя топориком,
в ударе точном сузив глаз,
в доске смолистой рифму ищет,
нашел, прицелился, и, р-р-раз!
Доска к доске — растет строение,
строка к строке — стихотворение.
Другой, в тиски зажав детальку,
сосредоточен и суров,
в уме исследует детально
собрание собственных стихов...
И целый день он шепчет жарко,
я это видел по губам,
и целый день напильник шаркает,
и стружки сыплются к ногам...

Четырнадцать дней,
как четырнадцать капель воды —
небо да море, море да ветер...
Синий фонарь неизвестной звезды
сквозь рваные тучи изредка светит.
Где мы сейчас? Только волны бегут,
мили считает задумчивый лаг.
Сколько прошло минут и секунд?
Сколько мгновений? Им нету числа...
Синие скалы давно отзвенели,
Чайки насытились плотью морей...
Небо да море уже две недели,
море да ветер
четырнадцать дней...

Все так устроено непросто.
Все так устроено непрочно...
А, может быть, наоборот?
Все очень прочно,
очень просто
вершится дней круговорот.
По заведенному порядку:
Работа, отдых и ...жена.
А где-то есть страна Камчатка,
такая дальняя страна.
Там бродят шальные метели,
одна палатка на троих...
А мы в квартирах засиделись
у телевизоров своих.
И смотрим сыто и надменно
кино о дальних островах,
и ловят чуткие антенны
для нас далекие слова...
Мы выключаем телевизор,
ложимся спать. Но до утра
нам снятся горы в дымке сизой,
тепло таежного костра...

Белое море...
От радости пьян,
иду по приборам звонким.
Я б воду твою, как лучший нарзан,
подавал бы в бокалах тонких!
Зарю бы пригоршней черпал,
ночь разбавляя ею,
лишь бы украсить чем-то,
сделать ее светлее.
Садов нарастил бы изморозь,
каждый цветок разнежил...
Чтоб щебетом птиц разбрызгалось
утро твоих побережий!

Однажды я ушел в себя,
И больше, кажется, не вышел...

Едва уйдя от отчего порога,
всю жизнь я утыкаюсь в горизонт...
И если говорят, что жизнь — дорога,
не пора ли сделать ей
хотя бы "ямочный ремонт" ?

Ливадия – любовь моя!

Ливадия! Ты видишься мне
бриллиантом в оправе морского прибора
залива Восток.

Словно наваждение, повсюду со мной,
это странное слово – Ливадия...

Как весенний березовый сок,
оно пахнет солнцем юга и пальмами
Крыма.

Непостижимо, неотвратимо, –
все в жизни идет по кругу –
с Запада на Восток...

...По сопкам стлался
утренний туман,
оседая в увалах и балках,
а от причалов, вразвалку,
уходили РТ на рыбалку...

Старожилы помнят доселе,
чем земля эта их привадила,
коль назвали ее Ливадией,
что означает – Лива, исток...

Есть в нашем заливе Восток
рыбой пропахшее слово – Ливадия!

Поморы

Я рос среди моря, на острове диком,
где буйно весной зацветает брусника,
где чайки кричат о печали своей,
всю жизнь провожая дымки кораблей.
И наше жилище — гнилая хибара,
где сети рыбацкие вместо ковра,
не раз содрогалась от шторма ударов,
но все же стояла, горда и добра.
В ней часто дед пел мне поморские песни,
протяжные песни былой старины,
о том, бесстрашный погиб буревестник
в пучине холодной и темной волны.
О том, как на лодьях ходили не Грумант
поморы, сыны нашей русской земли.
И не возвращались... Я слушал и думал,
что волны их славу до нас донесли.

Во мне пробуждалась их буйная смелость,
и дед доверял мне холодный штурвал...
Когда над бортом хлесткий вал нависал,
с ним очень померяться силой хотелось.
А ветер гудел нам свою панихиду,
трещал и стонал просмоленный баркас,
и снасти из рук вырывало у нас,
и небо совсем исчезало из виду...
И где-то над морем летал буревестник,
мятежно кричал, пропадая во мгле...
Тогда вспоминал я поморские песни,
и мы возвращались с уловом к земле.
Наутро за окнами ластилось море,
до самых дверей подбегала волна...
Морскую науку от деда-помора
я перенял сердцем и делом сполна!

Что-то в жизни все не так,
и в большом, и в малом...
Что-то продал за пятак,
что-то отдал даром.
Что-то было все не так:
день за днем перелопатил,
будто побывал в местах,
где себя я тратил...
Говорили мне: — Давай!
Отдавал я все...
Прошлогодня трава
перед новою пасует.
Говорили мне: — Ну, что ж,
Ты, наверно, шизик...
...В сердце мягко входит нож,
рана глубже, шире...
Жизнь моя! Стихи и книги.
Солнце в утреннем оконце.
Остальное все — вериги,
до конца, до донца...

A black and white photograph of a rocky coastline. The foreground shows a large, light-colored rock formation. In the middle ground, a single seagull is perched on a rock. The background is a dark, textured sea with many seagulls flying in the sky. The word "Песни" is written in a large, bold, black font across the center of the image.

Песни

Судоремонтники

Музыка
Валерия ЗЮЗЮЛЕВА

Мы, в сущности, тоже романтики,
хотя и не бродим в тайге,
в продутых ветрами ватниках,
с теодолитом в руке.
Хотя не бросаемся истово
в дальние поезда,
чтоб на ходу перелистывать
страны и города.

Припев:

*А мы ведь с волной не спорим,
мы с нею давно в ладах...
Слушаем песни моря
мы у себя в цехах.*

Мы, в сущности, тоже романтики,
влюбленные в гулкий цех,
оглохшие от пневматики,
с копотью на лице.
Мы можем, чумазые парни,
железо кроить талантливо...
Над нами — подъемные краны,
могучие, как атланты.

Припев.

*А мы ведь с волной не спорим,
мы с нею давно в ладах...*

Слушаем песни моря

Мы у себя в цехах.

*А рядом — девчонки сварщицы,
в брезент одеты, не в платица,
смотрят в щитки внимательно...*

*А в цехе работы романтикам
хватит на тысячу лет!*

*Уходят суда в Атлантику,
увозят свою романтику,
и шлют нам гудками привет!*

Припев:

*А мы ведь с волной не спорим,
мы с нею давно в ладах...*

Слушаем песни моря

Мы у себя в цехах.

Рыбацкий вальс

Наш РТ отплывает от берега,
за кормой белый пенится след.
Нам рыбацкое дело доверено,
и работы почетнее нет.
Мы уходим в далекий Аляскинский,
И не скоро вернемся назад,
провожают нас чайки горластые,
провожают родные глаза.

Припев:

*А над бухтой гудки,
а над бухтой дымки,
а над городом небо высокое.
Здесь живут рыбаки,
здесь живут моряки,
называют свой город Находкою!*

Этот город привык к расставаниям,
к сотням теплых и радостных встреч.
Каждый день на причалах прощания,
Обещания верность беречь.
Мы уходим в далекий Аляскинский,
И не скоро вернемся назад.
Провожают нас чайки горластые,
провожают родные глаза.

Припев:

*А над бухтой гудки,
а над бухтой дымки,
а над городом небо высокое.
Здесь живут рыбаки,
здесь живут моряки,
называют свой город Находкою!*

А когда мы домой возвращаемся,
и тоска по любимым остро,
нам навстречу из волн поднимаются
неразлучные Брат и Сестра.
Им рыбацкие тайны доверены,
им известно, как ждут рыбака
те глаза, голубые и верные,
голубей, чем огни маяка.

Припев:

*А над бухтой гудки,
а над бухтой дымки,
а над городом небо высокое.
Здесь живут рыбаки,
здесь живут моряки,
называют свой город Находкою!*

Новогодняя, грустная...

Неважно, что там за окном —
мороз, метель иль вьюга,
за стол всех наших соберем,
посмотрим друг на друга.

Друг другу поглядим в глаза,
и год мы подытожим:

Что было с нами год назад?

Что будет годом позже?

Припев:

*Пусть эта ночь еще продлится,
и запах елки будет сладким...*

*Вокруг меня родные лица,
и, значит, все у нас в порядке!*

Мороз разрисовал стекло
на фоне темной ночи...

Кому-то в чем-то повезло,
кому-то, ох, не очень.

Там зайцы прыгают в ночи
вокруг мохнатой елки...

Нальем еще раз, помолчим,
под звон бокалов тонких.

Припев:

Пусть эта ночь еще продлится,

И запах елки будет сладким...

Вокруг меня родные лица,

и, значит, все у нас в порядке!

Уходит год, уходит год,

тихонечко в сторонку...

Быть может, новый принесет

Нам счастья в жизни долгой.

Немного в дом тепла, добра, -

нам много и не надо,

а надо, чтоб, как у костра,

плечо родное рядом.

Припев:

Пусть эта ночь еще продлится,

И запах елки будет сладким...

Вокруг меня родные лица,

и, значит, все у нас в порядке!

Гимн работников культуры Находки

Нам покоя не знать никогда,
нам без разницы — день или вечер...
Ярко вспыхнула в небе звезда —
путеводной мечтою нам светит.
Этот свет мы по жизни несем,
беспокойные наши натуры,
нас хватает на всех и на все,
мы — работники вечной культуры.

Припев:

*Так звони наш колокол, звони!
Ты звони, в душе взрывая боль...
И наполни музыкой любви
каждого, кто в этот зал пришел.*

Мы умеем творить и мечтать,
круг друзей наш надежен и тесен.
А над городом осень кружится опять
в желтом танце простых наших песен.
Кнопки жми, баянист, веселей,
хоровод заплетайся игриво...
Для того мы живём на земле,
Чтобы жизнь эту сделать красивой.

Припев:
Так звони наш колокол, звони!
Ты звони, в душе взрывая боль...
И наполни музыкой любви
каждого, кто в этот зал пришел.

Нам покоя не ведать, не знать,
каждый день, как открытие века...
Наше дело — к прекрасному звать,
Всех — и каждого человека.
Чтобы, нами зажженный очаг,
согревал вас, как солнце в зените,
чтоб, по жизни идя, не скучать,
наши песни с собою возьмите.

Припев:
Так звон, наш колокол, звони!
Ты звони, в душе взрывая боль...
И наполни музыкой любви
каждого, кто в этот зал пришел.

Черное золото
гимн танкеристов

Мы танкеристы — братья,
нам не нужны утопии.
У нас одно занятие —
Возить по морю топливо.
Ветрами просифонены,
и штормами обласканы,
вчера в Хайфоне были мы,
сегодня — под Аляскою.

Припев:
*Ветер порывистый снасти рвет,
надвое небо расколото...
Танкерный флот ПМП везет,
черное золото!*

Там чайки белым парусом
висят над нашей палубой,
огромные, как палтусы,
крикливые, как бабоньки.
Но мы сквозь крики чайчи,
сквозь их гульбу базарную,
швартуемся отчаянно —
в работе мы азартные!

Припев:

*Ветер порывистый снасти рвет,
надвое небо расколото...*

*Танкерный флот ПМП везет
черное золото!*

В работе мы — толковые,
и в штормы громобойные,
мы брали на бакштовые
плавбазы китобойные.

И где бы ни бывали мы,
в какой ни есть сторонке,
нигде не забывали мы
о нашенской Находке.

Припев:

*Ветер порывистый снасти рвет,
надвое небо расколото...*

*Танкерный флот ПМП везет
черное золото!*

Виртуальный чудесон детская песенка

Я люблю летать во сне,
на лихом скакать коне,
жаль, что этого никто не видит!
Потому что, это - сон,
виртуальный чудесон,
а не телевизор даже, и не видик!

Припев:

*Эгей! Но меня там вовсе нет,
и тебя там тоже нет,
между нами сотни лет,
и дождь со снегом... Эгей!*

Утром в школу я иду,
напеваю на ходу,
жаль, что этого никто не слышит!
Потому что, это — сон,
виртуальный чудесон,
виноват, что я иду туда по крышам!

Припев:

*Эгей! Но меня там вовсе нет,
и тебя там тоже нет,
между нами сотни лет,
и дождь со снегом... Эгей!*

А вчера ко мне пришла
какая - то халам — бала,
это, что вообще такое, я не знаю!
Ах, какой забавный он,
этот самый чудесон,
день и ночь меня он развлекает!

Припев:

*Эгей! Но меня там вовсе нет,
и тебя там тоже нет,
между нами сотни лет,
и дождь со снегом... Эгей!*

Звяк! — будильник поутру!
Я глаза рукой протру —
мама с папой будят меня хором!
Скучная настала жизнь,
в школе целый день кружись,
а каникулы, увы, еще не скоро!

Припев:

*Эгей! Но меня там вовсе нет,
и тебя там тоже нет,
между нами сотни лет,
и дождь со снегом... Эгей!*

Содержание

Женщина, которая с тобой

Чай вдвоем	8
Светла земля, пока встают рассветы	10
День за днем. Все как всегда	11
А мы с тобой немало прожили	12
Тихо уходит из бухты лед	13
Я опять ушел, не попрощался	14
Зиме осталось жить три дня	14
Я слышал, я слышал тревожные струны	15
Возле дома аллея узкая	16
По волосам поземка стелется	16
Проснулся ночью. Закурил	17
Сегодня ночью ты уедешь	18
Ночь ушла, кротка и коротка	19
Приметы осени знакомы	19
В октябре немыслимые ветры	20
Тихо и торжественно	22
Поссориться	23
У проходной стоит девчонка	24
Я помню — дождь хлестал в окошко	25
Я люблю весною, в мае	25
Мы чуть не забыли про ту весну	26
Ночь свежо и влажно дышит	26
За городом будто пожар	27
На реке черный лед	27
Я почему-то вспомнил листопад	28
В январе, ничего себе	28

<u>Мои причалы</u>	
Привет, Находка!	30
Баллада о якорях (триптих)	32 – 34
Памяти "Надежды"	35
Бушует зелень молодо	36
Возле Дома культуры	38
Речка Каменка	39
Сегодня мы встали по-новому	40
Я иду по веселой дороге	41
Отдыхают у причалов корабли	41
Я в лес входил, как в откровение	42
Вот лист упал. И ветка покачнулась	43
Туманным было утро	44
Ветер вылетел из-за угла	46
Еще земля зимою бредит	46
Станет грустно тебе одной	47
Опять весна течет и плачет	47
Встреча	48
Светлее небо по утрам	50
Во дворе у больницы — скворешни	51
Улица Портовая	51
Меня давно тянуло на море	52
Я вышел к морю. В бухте сонной	53
Корабли приходят и уходят	54
А кто не помнит бабушкины сказки	55
Мой дом приговорен на слом	55
Как мы рассеяны бываем	56
Это было давно	57
Не зная устали и жалоб	58
Вернуться в детство очень просто	58

Валерию ЗЮЗЮЛЕВУ	59
Мише ГУТМАНУ	60
Николаю РУБЦОВУ	61
Сыну	62
Тихонько шлепаем по заливу	62
Николаю САУНИНУ	63
Николаю МОРОЗОВУ	64
На погосте	65
Прилив – отлив: так море дышит	66
<u>Реминисценции</u>	
...в это верить совсем не хочется	68
...еще один год минул	70
...опять строка не получается	71
...неважно, что там за окном	72
<u>Алкоголи</u>	
Камо грядеши?	74
Времена	74
Юбилей	75
Диагноз	75
Диалог	75
На последнем берегу	76
Не рулевой я	76
Крутоверть	76
К Отчеству	77
Плыву на лодочке резиновой	77
Черт те, что	78
Вот возьму, и брошу все, к чертям!	80
И в ранней юности, и в зрелось	80
А что там нынче в небесах?	81
1980 год. Шефы на полях или Мое завещание	82
<u>У нас была великая эпоха</u>	

Письмо сестре с флота	84
Парамушир	87
Скоро будет шуметь	88
Наследникам	89
Воспоминания о флоте	90
Бухта Врангеля (триптих)	92 – 94
Здорово все же, что люди – работают	95
Мы все взрослеем понемногу	96
Ну что это мы все о звездах, о природе	97
Смотри, как ветер разыгрался!	98
Старая баржа	99
В доке	100
Поэты	101
Четырнадцать дней	102
Все так устроено непросто	103
Белое море	104
Однажды я ушел в себя	104
Едва уйдя от отчего порога	104
Ливадия – любовь моя!	105
Поморы	106
Что-то в жизни все не так	108
<u>Песни</u>	
Судоремонтники	110
Рыбацкий вальс	112
Новогодняя, грустная	114
Гимн работников культуры Находки	116
Черное золото	118
Виртуальный чудесон	120

ББК 84.5

Геннадий Петрович

ФОКИН

Мои причалы

сборник стихов

Оформление:

Станислав Кабелев

Верстка:

Денис Кабелев

Спасибо всем, кто помог автору
в издании этого сборника.

Подписано к печати 25.09.2003 г.

Формат 60x84/16. Бум. офсетная. Гарнитура BalticaС.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 7,44. Тир. 300 экз. Зак. 4450.

Отпечатано на ОАО «Примполиграфкомбинат»

г. Владивосток, Океанский пр-т, 69.

© Г.П. Фокин

